

ГОМЕР, *Илиада*, Перевод В. Вересаева, ГИХЛ, М.—Л., 1949, стр. 550+25 гравюр на дереве, тираж 10 000 экз., цена 17 руб.

Большой решимостью, смелостью и уверенностью в своих силах должен обладать тот, кто ставит перед собой задачу перевести одно из великих произведений мировой литературы. Не только многие из них сами стали классическими с давних времен, но и переводы их, сделанные крупными мастерами, приобрели почти такие же права, как и оригинал. В особенности это касается тех произведений, знакомство с которыми в подлиннике доступно немногим специалистам, но которые следует знать каждому. На первом месте среди таких произведений стоят, несомненно, поэмы Гомера. Переводы Гнедича и Жуковского настолько прочно вошли в неотъемлемый фонд русской литературы, что кажется невозможным не только заменить, но даже изменить их. И тем не менее приходит время, когда и тот и другой вопрос может и должен быть поставлен со всею серьезностью.

Еще в конце XIX в. (в 1896 г.) вышел новый перевод «Илиады», сделанный Н. М. Минским. Однако большого успеха этот перевод не имел, хотя до 1918 г. он переиздавался три раза, а в 1935 г. вышло новое, заново пересмотренное переводчиком издание. Большинство читателей, интересовавшихся античностью (не говоря уже о специалистах-классиках), остались верными старому переводу Гнедича. Несмотря на свой устаревший и условный язык, этот перевод передавал естественный пафос и динамику «Илиады» более полно и точно, чем ясный, простой, но сухой и вялый перевод Минского, стоящий, кроме того, значительно ниже перевода Гнедича и в филологическом отношении.

В 1912 г. была сделана интересная попытка «обновить» перевод Гнедича, освободив его «от наиболее устаревших и неудачных слов и тяжелых оборотов, сохраняя бережно его основной тон и колорит», но во всем остальном сохранив его полностью. Эту переработку, произведенную А. Е. Грузинским (изд. ОКТО, М., 1912), можно в общем признать удачной; однако многие архаизмы в ней все-таки сохранились, сохранился и несколько устаревший строй языка Гнедича; кроме того, Грузинский оставил неисправленными и некоторые ошибки в переводе Гнедича (которых, надо сказать, очень мало). В настоящее время это издание Грузинского является библиографической редкостью.

Несмотря на все это, вопрос о необходимости коренного пересмотра перевода Гнедича или о новом переводе «Илиады» становится все более и более настоятельным ввиду того, что читательские круги безмерно выросли и растут у нас с каждым годом; звание же церковно-славянских слов и выражений, являющееся необходимой предпосылкой чтения перевода Гнедича, имеется только у людей, специально занимающихся древней русской литературой.

В. В. Вересаев, крупный писатель, знаток русского языка и литературы и филолог по образованию, перу которого принадлежат переводы поэм Гесиода и произведений греческих лириков, поставил перед собой задачу, сходную с той, какую выполнил А. Е. Грузинский: дать новый перевод «Илиады», переработав для этого перевод Гнедича с точки зрения современного словоупотребления и синтаксиса. «В основу своего перевода,— говорит В. В. Вересаев в предисловии (стр. 6),— я кладу перевод Гнедича везде, где он удачен, везде, где его можно сохранить. „Илиада“, например, кончается у Гнедича таким стихом:

Так погребали они конеборного Гектора тело.

Лучше не скажешь».

В 1939 г. В. Вересаев читал отрывки из своей работы в Москве и имел большой успех. Работал В. Вересаев над своим переводом долго и усердно, все время вводя в него новые варианты и стремясь к его улучшению. Он не делал из своего перевода никакой тайны; наоборот, стремился ознакомить с ним и спросить совета и у специалистов, и у рядового читателя и слушателя, ясно сознавая всю ответственность за взятую им на себя задачу.

Вересаев использовал отчасти и перевод Минского, внося в свой текст его «отдельные стихи и обороты» (там же, стр. 7), но в основном он дал свой собственный перевод «Илиады». Свое воззрение на новый перевод Вересаев выразил так:

«Все хорошее, все удавшееся новый переводчик должен полною горстью брать из прежних переводов, конечно, с одним условием: не перенося их механически в свой перевод, а органически перерабатывая в свой собственный стиль, точнее, в стиль подлинника, как его воспринимает новый переводчик» (стр. 6).

Таким образом, в процессе работы над переводом «Илиады» Вересаев ставит перед собой уже более сложную задачу, чем простое подновление или исправление старого перевода. Принципы перевода изложены в кратком предисловии покойного В. Вересаева. Разберем прежде всего те два примера, которые он приводит сам (стр. 7) для наглядной иллюстрации процесса своей работы. Надо, однако, заранее сказать, что именно эти примеры не вполне еще уясняют, к чему же стремился Вересаев, заменяя стихи Гнедича своими («Илиада», XV, 320—322).

Перевод Гнедича:

*Но едва аргивянам в лицо он возревши, эгидом
Бурным потряс и воскликнул и звучно и грозою, смутились
Души в их персях, забыли аргивцы кипящую храбрость.*

Перевод Вересаева:

*Но лишь, данайцам в лицо взглянувши, потряс он эгидой,
Грозою и сам закричав в это время — в груди у ахейцев
Дух ослабел, и забыли они про кипящую храбрость.*

В этих трех стихах у Гнедича (текст которого Грузинский не счит пужным изменять) действительно устаревшим является только слово «п е р с и» и выражение «в о з р е в ш и в л и ц о». Принятое в настоящее время слово «гид» вместо «эгид» может быть введено при подновлении текста Гнедича без всякого изменения размера стиха. От оригинала оба перевода отклоняются в одинаковой степени.

Выражение «забыли про храбрость» просто неверно (Вересаев, вообще говоря, любит предлог «про» и далеко не всегда применяет его уместно). А вот «кипящую» было бы уместно заменить другим эпитетом при слове храбрость («неистовую», «геройскую»). Таким образом, в приведенных трех стихах новый перевод не имеет значительных преимуществ перед старым.

(Приам умоляет Ахилла о выдаче тела Гектора (XXIV, 503—506):

Перевод Гнедича:

*Храбрый, почти ты богов! Над моим злопсучием сжалясь,
Вспомнив Пелея родителя! Я еще более жалок!
И испытаю, чего на земле не испытывал смертный:
Муза, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!*

Перевод Вересаева:

*Сжалясь, Пелид, над мною, яви уважение к бессмертным,
Вспомни отца твоего! Я жалости больше достоин!
Делаю то я, на что ни один не решился бы смертный:
Руки убийцы моих сыновей я к губам прижимаю!*

Новый перевод более дословен во второй строке, и в нем нет непрямой в гексаметре дактилической цезуры (неоднократно применяемой Гнедичем), но вторая половина этой же строки у Гнедича («Я еще более жалок») и ближе к тексту и более выразительна. В последнем из приведенных стихов имеются две замены, недостаточно обоснованные: слово *παῖδόνος* переведено «убийца сыновей», а не детей (как у Гнедича), хотя сужение понятия в данном случае текстом не подсказано; слова «к устам» заменены менее благозвучным сочетанием «к губам». Но слово «уста» нельзя

считать архаизмом; оно живет и в народной поэзии, и в пословицах, и в языке нашей современной лирики наряду со словом «губы». Но вот всю последнюю строку (ст. 506) следовало бы изменять в сторону уточнения. Сам Вересаев говорит (стр. 7), «что прежние переводчики слишком уж боялись чрезмерной, по их мнению, близости к оригиналу, уклоняющейся от наших обычных оборотов речи», и совершенно правильно требует большей точности в передаче своеобразных гомеровских выражений: так, например, стих Гомера (Илиада, IV, 350)

² Ἀτρεΐδῃ, ποῖόν σε ἔπος φῦγεν ἔρκος ὀδόντων,

который Гнедич передает

Речи какие, Атрид, из уст у тебя излетают?

Вересаев перевел

Что за слова у тебя сквозь ограду зубов излетели!

А вот то, что Приам вовсе не целует руки Ахилла, а протягивает свою собственную руку к устам (=к подбородку) убийцы Гектора, — подобно тому как делает Фетида (Илиада, I, 501), умоляя Зевса, — не передано ни Гнедичем, ни Минским и оставлено Вересаевым без изменения по переводу Минского с заменой лишь «уст» на «губы»; смысл же греческого текста совершенно ясен (ἀνδρὶς κχιδοφόνοιο ποτὶ στόμα χεῖρ' ὀρέγεσθαι).

Такой подробный разбор двух примеров нужен был для уяснения основной цели, ради которой, по замыслу переводчика, была проделана им огромная работа. Переводчик мог иметь в виду поэтизацию перевода, уточнение его или только приближение его к современной речи.

Перевод Вересаева, безусловно, достигает третьей цели — он звучит проще и понятнее для современного читателя. Однако для достижения только этой цели не было необходимости делать новый перевод, а следовало сохранить первоначальный план и продолжать работу над очищением перевода Гнедича от архаизмов, совершенствуя переработку А. Е. Грузинского на основе выработанных им методов.

Перейдем теперь к разбору тех средств, какие использованы Вересаевым для передачи характерных литературных приемов гомеровского эпоса. Одним из приемов, наиболее бросающихся в глаза, является изобилие эпитетов, постоянных и повторяющихся, но в то же время чрезвычайно наглядных и разнообразных; перевод их с греческого на любой другой язык представляет огромные трудности ввиду того, что ни один язык не дает возможности такого легкого образования составных прилагательных, как греческий; передача их составными же прилагательными на русский язык делает его тяжелым, так как в русском языке составные прилагательные мало употребительны; они свободно и легко употребляются при описании наружности живых существ (синеглазый, остроносый, длинноухий, косолапый и т. п.), но при описании вещей и явлений применяется обычно не словосложение, а суффиксы (золотистый, мутноватый, громовой, дождливый и т. п.). Поэтому переводчик Гомера может идти двумя путями: либо, пользуясь словосложением, создавать эпитеты по образцу греческих и этим придавать языку перевода несколько приподнятый тон (даже применяя такие слова, какие вошли в русскую поэзию благодаря Пушкину и Тютчеву, вроде «широкошумный», «громокипящий», «тяжело-звонкий» и др.), либо передавать гомеровские сложные эпитеты описательно. Первым путем пошел Гнедич, создав ряд великолепных эпитетов, как, например, «златотронный», «сребролукий», «шлемоблещущий», «крепкостенный», по в то же время отяжелив свой перевод архаизованными и для его времени сложениями, как, «тмочисленный», «меднодоспешный», «кудреглавый», «благодумный» и даже «лепокормый» (=с красивую кормой).

Минский шел вторым путем; он избегал слишком тяжелых эпитетов и прибегал к описаниям, например, «ахейцы в прекрасных доспехах», «тройки в длинных одеждах», «шлем с косматою гривой» и т. п., что звучит легче и естественнее для русской речи, но, конечно, сильно отклоняет перевод от стиля оригинала. Надо, однако, заметить, что иной раз Минский применяет словосложение и там, где Гнедич разлагает греческий

эпитет, например, в XXIII, 6 у Гнедича — «быстрые конники», у Минского — «быстро-конные».

А. Е. Грузинский, внимательно изучивший перевод Гнедича и отметивший сильную зависимость от него перевода Минского, указывает в предисловии к своему труду, что ряд составленных Гнедичем слов, «неловких и не прижившихся в языке... лежат омертвевшими пятнами на его речи». Тем не менее Грузинский считает этот перевод обладающим несомненными, никак еще не превзойденными достоинствами. «Выбрав его для издания, — говорит Грузинский, — мы решили сделать попытку освободить этот перевод от наиболее устарелых и неудачных слов и тяжелых оборотов, сохраняя бережно его основной тон и колорит». Нельзя не признать попытку А. Е. Грузинского удачной: замены слов и оборотов Гнедича сделаны им искусно и со вкусом в стиле всего перевода. В частности, это касается и сложных эпитетов: Грузинский устраняет наиболее тяжелые и непонятные, вроде «стотельная», «волокожный» и т. п., но сохраняет те, которые оказались живыми и выразительными.

В. Вересаев в переводе эпитетов решительно примыкает к Гнедичу. Он сохраняет даже некоторые архаизованные эпитеты: «Хрисеида, прекрасная иттиа дева», «кониодоспешные мужи», «конипитательный Аргос», «кониеласый шлем», и вводит даже новые составные эпитеты, которых нет у Гнедича: «Зевс яркомолненный» ἀρχηρόμοτος — у Гнедича «сребромолненный», у Минского просто «громовержец». Среди новых эпитетов есть и неудачные, например, «Патрокл богомилый» (διφίλος), «суда пряморогие» (ὄρθόκροτος). Последний эпитет Гнедич передает через «остроперхие», Минский — (неточно) через «крутобокие». Буквальный перевод Вересаева, как и приблизительный Гнедича, никакого образа не вызывает; следовало бы скорее сказать «крутоносые», то есть суда с посом, поднятым вертикально вверх. Крайне неудачен странный, звучащий совсем не по-русски эпитет Гефеста «хромец обелогий» (ἀμφιγυφής), заменивший простой перевод Гнедича — «хромопогий». Этот эпитет и непонятен, да, вероятно, и неверен, так как приведенное выше греческое слово имеет скорее всего значение «сильный», «искусный на обе руки»¹. Так же неудачен буквальный перевод «черноводный» (о ручье): по-русски было бы лучше «темповодный».

Необходимо все же отметить, что, несмотря на большое количество составных эпитетов, язык перевода Вересаева далеко не тяжел и производит впечатление живого, почти современного русского языка, лишь постольку условного, поскольку условным является почти всякий язык поэзии. Надо сказать, что те части и эпизоды, в которых мало статических описаний, но много динамики, обычно удаются Вересаеву лучше, чем его предшественникам. Поэтому часто хороши описания в книге XVI, например 306—307:

Бой закипел в рассыпную. Сразались бойцы в одиночку.

Вождь напал на вождя...

У Гнедича перевод непонятен:

Тут человек поражал человека в рассыпанной битве;

Каждый поверг воеводу...

У Минского он тяжел:

Бой закипел меж вождями,

И муж умерщвляет был мужем.

Перевод Вересаева, несколько распространяя очень сжатое описание Гомера, тем самым нагляднее передает его.

Удачно передана и дальнейшая картина боя (ст. ст. 366—379):

Все в беспорядке бежали назад. Быстроногие кони

Вынесли Гектора вместе с оружием. Оставил он зади

Войско троянцев, которых задерживал ров. Уж у многих

¹ См. В л. К р а у з е, Гомеровский словарь, изд. 2-е, Спб., 1896, и переработку словаря Любкера 1914 г., s. v. Nepliaistos.

*Быстрых коней колесничных во рву поломались дышла,
Много осталось во рву колесниц предводителей войска.
Яро Патрокл наседа́л, за собой призывая данайцев,
Беды врагам замышляя. Троянцы в стремительном бегстве
Все заполняли дороги, повсюду рассеявшись. Вихрем
Пыль поднялась к облакам. Расстилались по полю кони,
К Трое обратно несясь от ахейских судов и от стана.
Где только видел Патрокл, что теснее толпятся троянцы,
С криком туда он коней направлял. С колесниц под колеса
Падали мужи ничком, и гремели, валясь, колесницы.*

Вересаев использовал здесь некоторые обороты Гнедича и отдельные слова его в той же мере, как и в других частях своего перевода, например, исключительно удачное поэтически выраженное «расстилались по полю кони», даже пожертвовав эпитетом «однокопытные», сохранение которого в применении к коням он оставляет на стр. 8 своего предисловия. К сожалению, при всех достоинствах своего перевода, живо передающего напряжение боя в целом, Вересаев напрасно не передал картинных слов подлинника о том, что быстрые колесничные кони убегали, оставляя во рву колесницы с поломанными дышлами, что, кстати сказать, хорошо передано у Минского:

*Резвые кони без счета ломали влекущие дышла
И покидали во рву колесницы воздей...*

(но только не «умерщвленных», как заканчивает стих Минский).

Сильной стороной перевода Вересаева является передача разговорной речи. Такие места у Гнедича наиболее устарели, потому что он передавал их не разговорной речью своего времени, в которой, если бы и встречались некоторые выражения и обороты, в наше время неупотребительные, она все-таки оставалась бы подлинною, живой речью, — Гнедич почти всегда передает речи патетическим, искусственным языком, близким к языку современной ему трагедии, который отнюдь не соответствует речам в гомеровском эпосе и присущим им лиричности, юмору, искреннему гневу, словом — свойствам живой разговорной речи. Например, Елена, в гневе упрекая Париса, говорит в переводе Гнедича (III, 432 и 436):

Шестыи теперь и Атрида могучего вызови снова;

Или страшись, да его копием укрощен ты не будешь!

Вересаев переводит это так:

*Что ж, возвращайся обратно! Иди, вызывай Менелая
Снова сойтись в поединке...*

Иначе быстро тебя укротит его крепкая пика!

Несмотря на не вполне понятный оборот «возвращайся обратно» (значение здесь: «отправляйся обратно» или «обратно ступай», у Гомера просто «ну же, иди»), перевод Вересаева гораздо живее.

В книге VIII, ст. 152, Нестор говорит Дидомеду (по переводу Гнедича):

Сын бранноносца Тидея, бестрепетный, что ты вещаешь?

В переводе Вересаева:

Храбрым Тидеем рожденный,— ну, что, Диомед, говоришь ты!

В книге IX, ст. 388, Ахилл, отвергая предложения Агамемнона, говорит (по Гнедичу):

Дщери супругой себе не возьму от Атреева сына...

В переводе Вересаева:

В жены себе не возьму Атридовой дочери...

Совсем непонятно выражены у Гнедича слова Ахилла о том, что он еще на родине не раз хотел жениться и провести жизнь мирно (IX, 398—400):

*Там, о, как часто мое благородное сердце алкает,
Брачный союз созерцив, с непорочной супругою милой,
В жизнь наслаждаться стяжаний, старцем Пелеем стяжанных.*

Последний стих перевода Гнедича с его неупотребительным теперь выражением «в жизнь» совсем непонятен. Перевод Вересаева и вполне понятен, и удачен, и даже точнее перевода Гнедича:

*Там я нередко отважной душою мечтал, чтоб жениться,
Чтобы с законной женой, по душе мною выбранной, жить мне
И наслаждаться богатством, что добыл Пелей, мой родитель.*

В книге XVIII, 178—180, Ирида побуждает Ахилла отбить у троянцев тело Патрокла. По Гнедичу:

*Шестувй, не медли более; ужас ты в сердце почувствуй,
Если Патрокл твой будет игралищем псов илионских!
Срам на тебе, если тело его искаженное придет!*

Следуя главным образом Милскому и заменив в третьей строке только одно слово «вечный» словом «страшный», но оставляя гнедичевское «игралищем псов илионских», Вересаев дает такой перевод:

*Живо вставай же, не медли! Подумай, какой тебе будет
Стыд, если станет Патрокл игралищем псов илионских!
Страшный поговор тебя ждет, если труп изуродован будет!*

Эти примеры ясно показывают преимущество метода перевода речей у Вересаева сравнительно с методом Гнедича. Только иногда Вересаев чересчур увлекается ходячими разговорными оборотами. Например, троянские старцы в его переводе так говорят о Елене (III, 158):

Страшно похожа лицом на богинь она вечноживущих.

Слово αἰψός в подлиннике скорее соответствует нашему «до ужаса», то-есть Елена так похожа на богиню, что страх берет. Во всяком случае было очень легко заменить совершенно неуместный вульгаризм «страшно похожа» хотя бы выражением «чудно похожа», как сказал бы Гоголь.

Первый стих книги XIV переведен Вересаевым:

Нестор, хоть пил в это время, но тоже те крики услышал.

Выражение «пил» без указания ближайших обстоятельств по-русски имеет смысл «пьянствовал».

Несмотря на такие отдельные неудачные выражения, которых можно было привести значительно больше, крупным достоинством перевода Вересаева является именно его старание живо передать разговорную речь с ее эмоциональными оттенками — гневом, насмешкой, лаской, презрением и т. п. — снизив однообразно-торжественный тон речей в переводе Гнедича и значительно оживив их сравнительно с сухим языком перевода Милского.

В своем «Предисловии переводчика» Вересаев говорит, что в основу своего перевода он кладет перевод Гнедича, не считая его, однако, вполне удачным. Вот какие недостатки видит Вересаев у Гнедича: 1) архаический язык перевода, 2) перенасыщенность церковно-славянскими словами и выражениями, 3) «высокий слог», 4) отказ от передачи

довольно грубых подчас выражений Гомера и смягчение их. Вересаев указывает далее, что «можно держаться ближе к подлиннику гораздо чаще, чем это делают прежние переводчики». Вот вкратце те положения, какие положены Вересаевым в основу его перевода. Насколько же соответствуют эти положения тому, что сделано в самом переводе?

Вересаев против архаичности языка и церковно-славянизмов Гнедича. Примера, полностью подобного тому, какой приводит Вересаев из Гнедича на стр. 5, действительно, не найти в новом переводе. Однако сам переводчик отнюдь не отказывается полностью от того, за что он упрекает Гнедича; так, например, на стр. 47 (II, 345) он вместо «битвы» говорит «сечи», вместо «пока» — «доколь» (ст. 348), вместо «войска» — «рати» (ст. 352), причем во всех этих стихах замена устаревших слов живыми не представляет ни малейших затруднений и вполне соответствует стилю речи Нестора в новом переводе: «Голтаете вы на собраньи, подобно ребятам» (у Гнедича: «В собрании мы разглагольствуем праздню, как дети»). На стр. 197 (IX, 475) вместо «спальня» (как в ст. 473) сказано «починальня», причем у Гомера и тут и там одно и то же слово, так что прибегать к устарелому и торжественному синониму никакой надобности не было. На стр. 18 (I, 41) вместо простого «услышь», как у Гнедича, сказано «услыши меня»; гнедичевское «вземли мне» заменено (I, 37) несколько не менее архаичным «слух преклони».

Приведенные «архаизмы» и «церковно-славянизмы» могут быть здесь, пожалуй, оправданы тем, что они входят в молитву жреца — Хриса, но чем же может быть оправдан с точки зрения Вересаева такой стих (X, 414):

Сбзвал совет многолюдный с мужами советными Гектор

Не говоря уже об ударении «сбзвал», «мужи советные» — чистый церковно-славянизм. Почему не заменить «советными» словом совершенно равнозначащим и живым — «разумными»? Перевод Гнедича в данном случае гораздо менее архаичен:

Гектор, когда угодил я, остался с мужами совета

Гнедич ввел здесь «когда уходил», — слова, которых нет в этом стихе подлинника, но которые вполне оправдываются вопросом Одиссея в ст. 406:

Где, отправляясь, оставил ты Гектора, сил воеводу?

Этот стих Вересаев оставил по Гнедичу, но почему-то «сил воеводу» заменил словами «пастыря войска».

Если в стихе X, 414 и следующем Вересаев желал сохранить этимологическую фигуру подлинника посредством соответствия «совет — советными», то это совершенно не отвечает его методу (о котором он не говорит в предисловии, но который совершенно очевиден по переводу), методу свободного обращения с гомеровскими приемами речи, в первую очередь с повторениями одних и тех же эпитетов и групп стихов? Так, например, постоянный эпитет Геры в гомеровском эпосе *λεωχόληνος* Гнедич перевел своим известным, но, разумеется, малоинтересным «лилейнораменная» (А. Е. Грузинский заменил его эпитетом «белорукая»). Вересаев не сохраняет этого постоянного эпитета, но переводит его то «белорукая», то «белолокотная», то опускает совсем (ср. I, 55; V, 714; VIII, 384 и т. д.); точно так же войны оказываются в новом переводе то «пышнопоножными» (как у Гнедича), то «красивопоножными» (ср. I, 17 и II, 331).

Весьма существенен вопрос о переводе важных в эпосе повторений ряда стихов. Стихи 13—16 книги I в точности повторяются стихами 372—375, а стихи 22—25 — стихами 376—379. Но Вересаев с этим не считается: стих 13 у него начинается словами «Вызволить дочь, за нее...», а стих 372 — «Пленную вызволить дочь...»; во втором повторении стих 25 кончается словами «приказавши сурово», а стих 379 — «оскорбительным словом». А ведь эпические повторения не какая-нибудь формальность; они обусловлены самим существом устной народной поэзии и способствуют сохранности эпических произведений при отсутствии письменности, при устной передаче целых больших поэм. Эту особенность гомеровского эпоса необходимо было сохранить в переводе, и сделать это было чрезвычайно легко и просто.

Не вполне оправдано и то, что Вересаев ставит в упрёк Гнедичу его «высокий слог» и приводит ряд слов такого «высокого слога» на стр. 5. Но это какое-то недоразумение: в самом деле, почему «конь» и «пес» слова «высокого слога»? Можно согласиться с тем, что «уста» и «чело» — слова более высокого слога, чем «губы» и «лоб», но и против них протестовать в языке поэтическом совершенно невозможно. Да и сам Вересаев не исключает из своего перевода ни «псов», ни «коней».

Дело вовсе не в словах, а в сочетаниях слов, в целых предложениях, синтаксисе — вот что определяет нашу речь. В. В. Вересаев порой слишком увлекается точной передачей отдельных слов, забывая о том целом, какое составляют эти слова в их синтаксической, смысловой связи. Некоторые примеры видны из разбора перевода Вересаева, сделанного выше; приведу еще один.

В книге III, 210 сл., Антенор дает такую характеристику наружности Менелая и Одиссея (перевод Вересаева):

*Если стояли, то плеч шириной Менелай выдавался,
Если же сидели, казался видней Одиссей многоумный.*

В подлиннике сказано гораздо яснее. Дело в том, что у Менелая были длинные ноги, а туловище довольно короткое, а у Одиссея туловище было длиннее, а коротки были ноги; поэтому, когда оба сидели, выше оказывался Одиссей, а когда стояли — Менелай. Вот это и надо было иметь в виду при переводе, а не стараться давать перевод дословный, да еще выбрав очень неопределенный термин «выдавался».

Стихи в переводе Вересаева построены правильно и читаются легко; недочеты есть, но не очень существенные, вроде, например, XV, 459 (стр. 329), где цезура нарушает синтаксический строй фразы и разъединяет тесно связанные слова «он его».

Мы разобрали перевод Вересаева, исходя во многом из его же собственных положений о том, какие требования следует предъявлять к передаче гомеровских поэм на русском языке. Общее впечатление таково: он безусловно доступнее перевода Гнедича, понятен, сделан хорошими стихами и дает достаточно полное представление об «Илиаде» читателю, не имеющему возможности читать Гомера в подлиннике.

В. В. Вересаев шел по правильному пути: не порывая со старым классическим переводом Гнедича, он дал самостоятельный новый перевод древнегреческого эпоса и предоставил советскому читателю возможность получить живое и яркое представление об изображенном в гомеровской поэме быте, взаимоотношениях действующих лиц, о мыслях и чувствах, волновавших людей древнейшего известного нам греческого мира.

Несмотря на указанные нами недостатки перевода Вересаева, его «Илиада» безусловно крупное явление в нашей советской переводной литературе.

Будем надеяться, что скоро появится и его перевод «Одиссеи».

М. Е. Грабарь-Пассек и Ф. А. Петровский

М. Е. СЕРГЕЕНКО, Помпеи, М.—Л., 1949, 315 стр., тираж 8000 экз., ц. 17 руб.

Небольшое количество сохранившихся до наших дней руин древних городов, погибших от разных причин, имеет большое значение для истории. Такими городами являются: Помпеи, Стабии и Геркуланум в Италии, Олинф в Греции, древний урартский город на Кармир-Блуре в Закавказье и некоторые другие.

Помпеи, погибшие одновременно со Стабиями и Геркуланумом не в результате постепенного упадка, а сразу, при извержении Везувия в 79 г. н. э., представляют целый городской комплекс, дающий возможность изучить жизнь античного города с наибольшей полнотой. Этим определяется большой интерес к Помпеям, которым посвящена огромная научная, научно-популярная и даже художественная литература.